

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 137–145.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 1 (82). P. 137–145.

Научная статья

УДК 177

doi: 10.54398/1818-510X.2025.82.1.013

«ГОВОРИТЬ ПАМЯТНИКАМИ»: МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРЫ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОГО ПОВОРОТА

Соловьева Светлана Владимировна

Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Россия
metaphisica2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Аннотация. Статья обращается к практикам коммерции в архитектуре и скульптуре XX–XXI вв. Предметом исследования выступают известные мемориалы, посвящённые Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Историческая трагедия войны представляется через анализ мемориальной культуры, обнаруживающей разные типы «говорения» о войне. Применение методологических принципов постметафизической философии истории, установок нарративного и пространственного «поворота» позволяет эксплицировать множественность и сложность интерпретаций травматичного прошлого. Памятник рассмотрен как сложноорганизованный нарратив, который конструирует историю через всевозможные формы визуализации культурных смыслов. Четыре известных памятника (мемориал «Хатынь», «Гуфли на набережной Дуная», «Мемориал убитым евреям Европы», Ржевский мемориал Советскому Солдату) представляются как формы нарративов, по-своему интерпретирующих трагедию мировой войны. В работе обоснована идея о том, что памятник «материализует» нарративную природу прошлого, продуктивно соединяя объективность истории (мемориалы посвящены конкретным историческим событиям) и позицию нарратора в коллективной памяти (представляют разные «голоса»). В расшифровке нарративного характера конкретных памятников обнаруживается «архетипический слой» смыслов, встраивающий культуру и политики памяти XX–XXI вв. (общество модерна) в универсальные практики сакрализации подвигов и жертв войны.

Ключевые слова: история, память, нарративный поворот, пространственный поворот, исторический нарратив, памятник, война, мифологизация, сакрализация, конструирование смыслов

Для цитирования: Соловьева С. В. «Говорить памятниками»: мемориальная культура войны в контексте нарративного поворота // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 137–145. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.4.013>.



Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

“SPEAKING THROUGH MONUMENTS”:
MEMORIAL CULTURE OF WAR IN THE CONTEXT OF A NARRATIVE TURN

Svetlana V. Solovyova

Volga State Transport University, Samara, Russia

metaphisica2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Abstract. The article addresses the practices of commerce in architecture and sculpture of the 20th–21st centuries. The subject of the study is famous memorials dedicated to the Second World War and the Great Patriotic War. The historical tragedy of the war is presented through the analysis of memorial culture, revealing different types of “talking” about the war. The application of methodological principles of post-metaphysical philosophy of history, the principles of narrative and spatial “turn” makes it possible to explicate the multiplicity and complexity of interpretations of the traumatic past. The monument is considered as a complex narrative that constructs history through various forms of visualization of cultural meanings. Four famous monuments (The Khatyn Memorial, The Shoes on the Danube Bank, The Memorial to the Murdered Jews of Europe, The Rzhev Memorial to the Soviet Soldier) are presented as forms of narratives that in their own way interpret the tragedy of the World War. The work substantiates the idea that the monument “materializes” the narrative nature of the past, productively combining the objectivity of history (memorials are dedicated to specific historical events) and the position of the narrator in collective memory (representing different “voices”). In deciphering the narrative nature of specific monuments, an “archetypal layer” of meanings is revealed, embedding the culture and politics of memory of the 20th–21st centuries (Modern societies) into universal practices of sacralization of the exploits and victims of war.

Keywords: history, memory, narrative turn, spatial turn, historical narrative, monument, war, mythologization, sacralization, construction of meanings

For citation: Solovyova S. V. “Speaking through monuments”: memorial culture of war in the context of a narrative turn. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 1 (82), pp. 137–145. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.1.013>.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Тема кровопролития, Второй мировой и Великой Отечественной войн до сих пор остаётся очень чувствительной для науки, искусства, религиозных институтов, просто людей, даже не видевших её ужас. Поэтому всякое высказывание о военном прошлом XX в. рискованно с интеллектуальной точки зрения (многие гении мощно об этом писали, говорили, творили шедевры) и конфликтно артикулируемо с ценностных позиций (современный медиа- и политический дискурс тому иллюстрация). Но не говорить об этом нельзя.

Память о трагедии мировой войны середины XX в. обширна, по-своему безбрежна, пройдут столетия её изучения, чтобы приглушить боль нарратора. Пока это не очень получается. Но как говорить о войне? Нарративный поворот в социально-гуманитарных XX в. продемонстрировал необозримый эвристический потенциал анализа самых разнообразных практик повествования. Лингвистический поворот передвинул фокус гуманитарных исследований на нарратив, связывая этим бытие текста, человека, культуру в практиках повествования. Место трансцендентного субъекта, высказывающегося о действительности, занимает «говорящий», «рассказывающий» субъект.

Конструктивистская эпистемология рассматривает нарратив в контексте междисциплинарных исследований и придаёт повествованию статус одного из ведущих способов производства знания в современном обществе. Объяснительный потенциал нарративного подхода упрёкают в отступлении от классической «объективности» в ущерб

торжеству «интерактивности». Но во времена тотальной власти медиа-коммуникации и кризиса «метанарративов» этот упре́к теряет значимость, т. к. девальвация реального (в её былом значении) проигрывает явной или скрытой ангажированности рассказчика (транслятора).

Как это отражается на познании прошлого, истории? Постмодерн второй половины XX в. не только отказывается от «универсального», но и проблематизирует «историческое». На страницах журнала «Le Débat» в начале XXI в. П. Нора и П. Рикер ведут диалог о последствиях «мнемонического поворота» в современной историографии [14, р. 292]. В гуманитарных науках, философии и теории истории открывается огромная дискуссия по осмыслению связи истории и памяти.

Основная часть

В последней трети XX в. прослеживается растущее внимание к прошлому, происходит своеобразная перефокусировка «темпоральной культуры» модерна от «современности будущего» к «современности прошлого» (А. Хюссен, А. Ассман). Всё чаще конструктивистский подход политик и теорий памяти ставит ушедшее в зависимость от позиции и потребностей тех, кто живёт в настоящем. Одним из важным методологических инструментов, успешно реализующих данную установку, выступает нарративный подход. В работе «История и тропология: взлёт и падение метафоры» Анкерситом были сформулированы шесть тезисов «нарративной истории», позволяющих выстроить современную концепцию познания прошлого. Выделим пять наиболее содержательных положений голландского философа:

1. Исторический нарратив – это «интерпретация прошлого». На место процедур «объяснения», «описания» в историографии приходит «интерпретация», при помощи которой возможна работа с «избытком данных»: «бесконечное число интерпретаций может объяснить все известные данные». Сциентистски понятая историческая наука противопоставлялась литературе, историзм же старался маневрировать между этими крайностями. В данном подходе «историография создаёт «нарративные интерпретации социоисторической действительности» [1, с. 116–117].

2. Нарративизм формулирует тезисы о том, что прошлое есть (а), несомненное в прошлом является историческим фактом (б). Следует различать «историческое исследование», которое решает вопросы фактов (единичные утверждения), и «историческое письмо», которое интерпретирует (серия утверждений). Здесь адекватна аналогия между наблюдением и теорией в науке. Современная философия истории опирается на исторические исследования, различая повествование историка и видение агентов прошлого [1, с. 118].

3. «Нарративизм – современный наследник историзма»: работа историка состоит в том, чтобы найти единство в разнообразии прошлого. У прошлого нет сущности (как полагали классики), но любая историческая интерпретация «обозначает структуру прошлого» так, как если бы она была в действительности. Историзм создаёт такую теорию прошлого, в которой исторические явления преобразуются в «теорию наших рассуждений о прошлом». Исторический нарратив, по версии Анкерсмита, не является отражением прошлого или «проекциями на прошлое». Нарратив обращён к прошлому, но не «корреспондирует» с ним (подобно классической аристотелевской концепции истины), он создаёт автономный язык в отношении к прошедшему. Только в таком случае «философия нарратива имеет смысл», но «тогда, и только тогда, когда эта автономия признана». Нет никакой фиксированной точки, где можно было бы установить соотношение настоящего и прошлого. «Нарративные интерпретации “вырывают вас из исторической действительности” и не “отсылают обратно” (как это делает утверждение). В языке нарратива отношение между языком и действительностью систематически “дестабилизировано”» [1, с. 120].

4. Язык нарратива представляет прошлое «в таких терминах, которые не соотносятся, соответствуют частям или аспектам прошлого». Анкерсмит сравнивает нарративные интерпретации с моделью для дизайнерского костюма, модель не демонстрирует себя, она презентует достоинства произведения. Нарративизм конструирует

не прошлое, но интерпретации прошлого. В таком случае нарративная интерпретация становится гештальтом, который нельзя оценить в категориях истины / лжи, это не знание, но «организация знания», порождающая в том числе и спекулятивное представление о прошлом. Дискуссии относительно такого-то кризиса – не полемика о действительности вот этого ушедшего («что было на самом деле»), но поле «конкурирующих исторических интерпретаций». Философ проводит такую аналогию: нынешние рассуждения о прошлом – это своего рода одеяло, которое не относится к тому, что покрывает (в данном случае – прошлое). Хотя язык нарратива автономен в отношении того, что было; интерпретация – не форма произвола, но комбинация признанных, верифицируемых фактов, подобранных в пользу данной интерпретации. Примером нарративных интерпретаций выступают «холодная война», «реализм», «кризис XVII века», «индустриальная революция» [1, с. 121–123]. Перечисленные конструкты и есть инструмент для познания прошлого. Нельзя спрашивать о «причинах индустриальной революции», потому что последнее не есть реальность, но форма интерпретаций изолированного множества событий.

5. Утверждения исторического нарратива описывают прошлое, определяют = индивидуализируют (метафорически) нарративную интерпретацию прошлого: «Исторический нарратив – это подтверждённая метафора». Подобно метафоре он выступает местом возникновения нового знания. По Анкерсмицу, способность нарратива порождать новое значение основана на автономии исторического нарратива в отношении к исторической действительности прошлого (тут отношения «язык – действительность» постоянно «дестабилизируются»). Метафорическое значение исторического нарратива всегда больше, чем его «буквальное значение», он никогда не просто сумма утверждения. Историческое понимание – результат полемики среди конкурирующих интерпретаций. Способность историка метафорично развивать нарративное пространство интерпретаций – его самый важный интеллектуальный «актив», а лучший исторический нарратив – максимально метафоричен, обладает большим полем реализации [1, с. 125–126].

Данные положения составили суть постметафизической философии истории Анкерсмица, который продуктивно смещает фокус исследования прошлого в сторону исследования нарративности.

Другим важным сдвигом в тематизации познания прошлого становится так называемый «пространственный поворот» [4, с. 338]. Лозунг 80-х гг. XX в. Фр. Джеймисона «Всегда опространствивай!», а ещё раньше М. Фуко в работе «Другие пространства» (1967) противопоставил историзм, фиксированность на темпоральности модерна пространственности постмодерна. Джеймисон увидел сходство «пространственной формы» с «дворцами памяти» или античным способом организации памяти, где рассказ нарратора должен быть упорядочен по аналогии с архитектурно выстроенным местом [12, с. 46]. Так исследовательский интерес переключается от текстово-лингвистических штудий к материальности объектов («пространственной репрезентации»). «Культурная география» понимает под пространством не «территориальность», «вместилище традиций», а «социальной производство пространства» как процесс локализации культурных практик, или такое изменение социокультурных отношений, приводящих к трансформации пространства [4, с. 377].

По мнению М. Фуко, пространство только и остаётся «последним прибежищем сакрального», в отличие от времени, которое почти полностью десакрализовалось. Несмотря на усилия учёных, начиная с трудов Галлея, практическая десакрализация не состоялась, препятствие тому выстроили институты (в амплитуде от семьи и труда до библиотеки и музея) [13, с. 194]. Среди таких важных мест и культурных практик производства пространства выступают мемориалы как «места памяти». Памятник, мемориал становится особым местом, которому свойственны черты «гетеротопии» (Фуко). Гетеротопии – это «сингулярные пространства», где происходит наложение, совмещение в себе «культурных слоёв», пересечение смысловых конструктов. Гетеротопия в конкретном локусе соединяет разные смысловые культурные слои. К самым

впечатляющим гетеротопиям можно отнести мемориалы. Мемориал, где нарратив представляет себя в своей максимальной материальности, можно рассмотреть как особые «места памяти».

«Говорить памятниками», – метафора в названии темы, режет ухо образованному читателю. Говорить можно словами, поступками, можно даже показательно молчать. Но памятник – сложноорганизованный нарратив, который представляет важнейшие слои культурных смыслов, конструирует историю через всевозможные формы визуализации. Есть памятники, обладающие статусом «места памяти». Здесь «память диктует, а история записывает», здесь дискурс памяти работает в материальном, символическом и функциональном смысле (П. Нора). Памятники создают своеобразные «призывы к воспоминанию», оборачивают нас в прошлое, ритуализируя и символизируя это обращение назад. П. Нора, противопоставляя память и историю, пишет о том, что «места памяти не имеют референции в реальности» [9, с. 39, 47–48].

Для современной культуры «места памяти» становятся проводниками обращения к прошлому. Всё чаще можно заметить то обстоятельство, что люди стараются «наполнить своё настоящее артефактами прошлого и основанными на этих артефактах репродукциями». «Волны ностальгических культур» создают очереди в музеях (по миру начался просто «бум» интереса к наследию!), споры интеллектуалов и обывателей о невозможности «жить без исторической памяти», приводит к активному расширению мгновности настоящего за счёт прошлого [7, с. 123]. «Опространствление» (Джеймисон, Фуко) становится своеобразным локусом соединения исторической реальности и культурной сакрализации. Мемориал синтезирует эти во многом противоположные начала.

Противопоставление истории (объективный взгляд на прошлое, ориентированный на познание истины) и коллективной памяти (политизированный, ценностный, идеологический дискурс) может быть преодолен через разработку более сложной картины коллективной памяти. Мифотворчество в отношении трагического военного прошлого может быть проинтерпретировано как работа над «символическими конструктами», которые объединяют людей, позволяя им «организовать собственную жизнь». Здесь мифологизация прошлого не является способом манипуляции или идеологизации, но памятование способствует «коллективному самосознанию и ценностной ориентации» человека во времени [3, с. 21].

В памятнике происходит синтезирование объективности / критичности науки и конструктов архетипической и коллективной памяти, наполняющих прошлое жизнью и идентичностью. Конечно, памятник в разной мере может соединять в себе указанные противоположности, но без этого соединения «текст памятника» не способен «говорить» – быть одновременно историей и памятью, объединять истину и ценность, создавать символический конструкт, открытый для личного познания прошлого, в том числе и сокровенного.

Рассматривая мемориалы войны, рискнём утверждать, что они могут быть проинтерпретированы как «места памяти», поскольку не только связаны с реальностью исторического, но прежде всего открыты к расширению своих смыслов и значений. В памятниках заключена возможность продуктивного пополнения личной, национальной, коллективной памяти. Сам мемориал можно «прочитывать» в методологии нарративного и пространственного поворотов, созданных гуманитарными исследованиями XX в., но раскрывающих свой эвристический потенциал в веке нынешнем. Подобно тому как метафизика, этика, эстетика войны сверхсложна для понимания, так и памятники войны являются продолжением этой фундаментальной трудности. С одной стороны, они топологически выражают нарратив (его полемическую, множественную природу интерпретаций), а с другой – «сакрализуют» пространство через представление её трагического пафоса (создают условия для катарсиса, «сострадания и страха»).

В центре нашего внимания несколько архетипических памятников, посвящённых Второй мировой войне, они выражают разное видение её событий. Каждый памятник

представляет «своё», «самое своё» мировой войны, но соединяясь вместе, они создают где-то соборные, где-то полифонические образы, концепты, смыслы трудного прошлого. Два памятника были возведены странами-победителями (Россия, Беларусь), два других созданы в проигравших странах (Венгрия, Германия). Три памятника связаны с жертвами войны, один представляет войну в образе воина-победителя.

Мемориал «Хатынь» (1969, Беларусь, архитекторы – Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин). «Непокорённый человек» (скульптор С. Селиханов), колокола, графичные таблички имён погибших... Строгость линий мемориала сочетается с памятником, представляющим фигуру мужчину с мёртвым ребёнком на руках. Пронзительная экспрессивность скульптуры Непокорённого отсылает к живописи Гойи, Мунка, Кошки, Шиле, скульптурам Джакометти. Памятник мифологизирует событие сожжения заживо через обращение к символике огня и голоса. Уничтожающий огонь преобразуется здесь в священный. Огонь как образ трансгрессии символизирует выход в трансцендентное, за пределы человеческих сил и возможностей. Двойственная природа огня (небесная и земная) соединяется в меморизации события: невинные люди, принесённые в жертву через сожжение, наполняют памятник архетипическими образами трагической гибели, с одной стороны, и их воскрешения в коллективной памяти современников – с другой. Колокола, их напряжённая ежеминутная переключка привлекают внимание к ужасающим голосам людей, переживающих смертоносное насилие, восстанавливает из архива истории их живое присутствие. Хатынь – это огонь и голоса жертв войны.

«Мемориал убитым евреям Европы» (2005, Германия, проект архитектора П. Айзенмана, победившего в международном конкурсе с участием 528 проектов). В центре Берлина, недалеко от бывшей рейхсканцелярии Гитлера, снесённой после падения национал-социализма, воздвигнут деконструктивистский архитектурный ансамбль из 2 711 стел / тумб разной ширины и высоты (от нескольких дециметров до 4,7 м). Расстояние между колоннами чуть меньше метра, поэтому в лабиринте между ними можно ходить только поодиночке. При помощи указанных архитектурных решений создаются такие пересечения пустот, что движение внутри лабиринта всякий раз приобретает индивидуальную траекторию. Пространство то уплотняется, то расширяется, то наполняется воздухом, то сдавливается, хотя деление внутри монумента рационалистично и построено по структуре правильной клетки. Этот памятник среди указанных максимально неэмпиричен, ужас возникает в результате растворения посетителя в инсталляции геометрических фигур. Воздух и пустота лабиринта зашифровывают метафизические смыслы смертоносной войны. Всякий входящий становится дешифровщиком пустоты. Воздух и лабиринтное пространство пустот – символы и мифологемы «Мемориала убитым евреям Европы».

«Туфли на набережной Дуная» (2005, Венгрия, идея мемориала – К. Тогай, скульптор – Д. Паур). У кромки реки стоят стоптанные детские, женские, мужские туфли. Шестьдесят чугунных пар обуви в память о евреях, расстрелянных в 1944–1945 гг.; лаконичная табличка с надписью на венгерском, иврите, английском. Расстрел одного человека приводил к гибели всех 50–60 скованных одной цепью людей. Их тела погружались в воду. В жертвах Холокоста прочитывается мифологизированный образ реки, ужасающего Стикса, и летийских вод забвения – царства мёртвых, забывающих земную жизнь. В греческой мифологии оракул пьёт из двух источников – рек Леты (отрекаясь этим от забот и волнений) и Мнемозины (памяти, чтобы увидеть, услышать и запомнить всё то, что происходит с ним в трансгрессивном опыте погружения в пещеру). Повседневная вещь – изношенная человеческая обувь – создаёт эффект монументальности, погружая в сложно организованный и избыточный мир Данте и гравюр Г. Доре, эстетики «Тетралогии власти» А. Сокурова. Идеи чистоты, жертвенности, смерти, исчезновения в водной глубине соединяются в исторических событиях расстрелов. Дунай в актуальном моменте удерживает историческое событие принесения

невиновных в жертву войны. Исчезновение-забвение не удалось. Памятник на набережной Дуная памятствует о безвозвратно утраченном через обращение к архетипическим символам воды и исчезновения.

Ржевский мемориал Советскому Солдату (2020, Россия, скульптор – А. Коробцов, архитектор – К. Фомин, общее руководство – А. Кончаловский). Колоссальная по размерам статуя советского солдата словно парит над искусственно созданным холмом. Рваные края плащ-палатки преобразуются в 35 взлетающих журавлей (аллюзия к творчеству Я. Френкеля и Р. Гамзатова) и поднимают крепкую фигуру молодого мужчины в воздух. Ржевский памятник меморизирует солдата-победителя. Спокойная и монументальная фигура героя конструирует «онирический дом» (А. Башляр) [5, с. 115]. Воин стоит на страже самой значимой части родного дома, внушая чувство защищённости. Монумент символизирует образ земли, почвы, взрастившей защитника. Фигура солдата отсылает к древним изображениям мирового древа. Герой олицетворяет победу жизни, плодородности и силы земли над смертью. Впечатляющая монументальность фиксирует метафору твёрдости, которая имеет как эстетические, так и этические коннотации: твёрдость – знак силы духа, способности к сопротивлению, знак гнева и гордости, воли и субстанциональности. Ржевский мемориал конструирует метанарратив о героях-победителях, защитниках суверенности, символизирует землю и взгляд (обозрение территории, охват и покровительственное сбережение родного).

Для современных memory studies перечисленные памятники демонстрируют фундаментальный сдвиг в культуре памяти: от героизации подвигов воинов, жертв, павших солдат к коммеморативным практикам беззащитных объектов насилия, виктимности (“sacrifice” и “victim”). Жертвенность как дар Отчизне и беззащитные жертвы насилия порождают два типа памяти – «героическую и травматическую память жертв». При этом для «виктимизированных субъектов», как полагает А. Ассман, не существует «апробированных культурой форм рецепции и мемориальных традиций». Для легитимации памяти виктимных жертв необходимо введение в оборот коллективной памяти травматического опыта уничтожаемой группы [2, с. 75–77]. Описанные памятники эксплицируют оба регистра коллективной травматической памяти, а концептуальная связка «память – идентичность – травма» обнаруживает (особенно в периоды трансформации концепций национальной / национально-государственной истории) дополнительные возможности для анализа «коллективного, нормативного и культурно-семioticского» аспекта военного прошлого [11, с. 6].

Понимание социальной природы конструирования смыслов «мест памяти» продуктивно как в научном, так и в практическом отношении. И если П. Нора рассматривал историю и память как взаимоисключающие феномены, то в рамках статьи обосновывалась мысль о том, что между ними нет разрыва: существуя в «режиме сообщающихся сосудов» [11, с. 7], они соединяются с помощью практик мифологизации смыслов через пространственные комплексы мемориалов. В силу того, что они посвящены трагедии Второй мировой войны, смыслы прошлого обнаруживают в национальных мифах и военной памяти широкий контекст, который можно обозначить концептом «переплетённые памяти» (С. Конрад), соединяющие коллективное прошлое (память как генеалогия) и реакцию множества акторов, институтов, медиа и пр. – в настоящем (память как следствие синхронии / симультанности) [10, с. 173]. Возможно, память – это «не прошлое», а та роль, которую оно «играет в нашем понимании себя, своего настоящего и будущего» [6, с. 340]. Таким образом, осмысление различия памяти и истории носит проблематический характер [8, с. 373], а спор по вопросу о потенциальном нивелировании различия между историей и памятью будет, как думается, иметь характер «вечного», философского вопроса.

Выводы

Познание прошлого в современной культуре распределено между людьми и материальными объектами, группами и институтами, архивами и ресурсами цифровых

платформ. Рассматривая переплетение истории и памяти, можно утверждать, что «говорить памятниками» – означает переводить реальность истории в режим эпоса, конструирующегося языками мифов. Нарративность (в нашем случае лучше употребить понятие Анкерсмита «репрезентивность») памятников – это не просто художественный конструкт ушедшего, но способ «ухватить» исторический опыт, из которого соткано трагическое прошлое. Репрезентивность памятников выстраивает многозначность и многообразность переводов из прошлого через настоящее в будущее, постоянное пополнение смыслами того исторического опыта, в котором мы пребываем. В этом и состоит продуктивность подобного конструирования исторического прошлого мировой войны. Памятники дают нам тот язык, при помощи которого можно и нужно создавать культуру памяти.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Канон+, 2009. – 400 с.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
4. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. С. Ташкенов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 504 с.
5. Башляр, Г. Земля и грезы о покое / Г. Башляр ; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2001. – 320 с.
6. Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. – Москва : Новое издательство, 2021. – 448 с.
7. Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт ; пер. С. Зенкина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
8. Николаи, Ф. В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и презентацией / Ф. В. Николаи // Диалог со временем. – 2018. – № 63. – С. 369–374.
9. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. Д. Хапаева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 1999. – С. 17–50.
10. Павловский, А. Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в Memory studies? / А. Ф. Павловский // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2023. – № 2 (109). – С. 166–194. – doi: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194.
11. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л. П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2020. – 464 с.
12. Трубина, Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации / Е. Г. Трубина // Политическая концептология. – 2011. – № 4. – С. 34–49.
13. Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. Б. М. Скуратов. – Москва : Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–204.
14. Hutton, P. H. Philosophical reflections on the ways of memory and history (Review of Collective Memory and the Historical Past, by J. A. Barash) / P. H. Hutton // History and Theory. – 2018. – Vol. 57 (2). – P. 292–305.

References

1. Ankersmit, F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology. The rise and fall of metaphor]. Moscow: Kanon+; 2009, 400 p.
2. Assman, A. *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014, 328 p.
3. Assman, A. *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy* [The New Discontent with Memorial Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016, 232 p.

4. Bachmann-Medick, D. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kulture* [Cultural Turns. New Landmarks in the Cultural Sciences]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017, 504 p.
5. Bashlyar, G. *Zemlya i grezy o pokoe* [Earth and Dreams of Peace]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury; 2001, 320 p.
6. *Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoy istorii* [Everything is in the past: Theory and practice of public history]. Moscow: Novoe izdatelstvo; 2021, 448 p.
7. Gumbrekht Kh. U. *Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhet peredat znachenie* [Production of Presence: what meaning cannot convey, Stanford University]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2006, 184 p.
8. Nikolai, F. V. "Tretya volna" memory studies: kulturnaya pamyat mezhdru opytom i reprezentatsiyey ["Third Wave" Memory Studies: Cultural Memory Between Experience and Representation]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2018, no 6, pp. 369–374.
9. Nora P. *Mezhdru pamyaty i istoriyey. Problematika mest pamyati* [Between Memory and History: The Problematic of Places of Memory]. *Frantsiya-pamyat* [France-Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg University, pp. 17–50.
10. Pavlovskiy, A. F. *V poiskakh globalnoy pamyati: kuda vedet transnatsionalny povorot v Memory studies?* [In search of global memory: where will the transnational turn in memory studies lead?]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Polity: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Social Policy)], 2023, no. 2 (109), pp. 166–194, doi: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-166-194.
11. *Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat i narrativy natsionalnoy identichnosti* [Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Ed. by L. P. Repinoy. Moscow: Akvilon; 2020, 464 p.
12. Trubina, E. G. *Povorot k prostranstvu: mezhdistsiplinarnoe dvizhenie i slozhnosti ego popularizatsii* [Turn to space: interdisciplinary movement and the difficulties of its popularization]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology]. 2011, no. 4, pp. 34–49.
13. Fuko, M. *Drugie prostranstva* [Other Spaces]. Fuko, M. *Intellektualy i vlast: Izbrannyye politicheskyye stati, vystupleniya i intervyyu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Moscow: Praksis; 2006, vol. 3, pp. 191–204.
14. Hutton, P. H. *Philosophical reflections on the ways of memory and history (Review of Collective Memory and the Historical Past, by J. A. Barash)*. *History and Theory*, 2018, no. 57 (2), pp. 292–305.

Информация об авторе

Соловьева С. В. – доктор философских наук, доцент.

Information about the author

Solovyova S. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.